

Размышления над новой книгой

© 1998 г

А.Н. ЧУМИКОВ

НОВЫЙ ЗАСТОЙ: ТАК ЛИ ЭТО ХОРОШО И ТАК ЛИ ЭТО ПЛОХО?

ЧУМИКОВ Александр Николаевич - доктор политических наук профессор Института государственного управления и социальных исследований МГУ им Ломоносова

Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП) является сегодня одной из ведущих отечественных структур, занятых последовательным осуществлением социологического мониторинга массового сознания граждан РФ в условиях общественной трансформации. Начиная с 1993 г институт регулярно представлял вниманию ученых, прессы и общественности результаты своих опросов, которые проводились в 14 территориально-экономических районах РФ с объемом выборки от 2 до 2,5 тыс респондентов. Каждый из этих фрагментов достаточно интересен, однако именно аналитический доклад РНИСиНП, подготовленный к 6-летию его основания ["Российское общество и современный политический процесс (опыт политолого-социологического анализа)" М, 1997 60 с], может расцениваться как событие иного, более высокого качественного уровня, заслуживающее, соответственно, и более пристального внимания¹

Главное, что стоит приветствовать, - это то, что в докладе фиксируются не только различные мнения, пусть даже и в динамике, но и процессы, серьезные сдвиги в российском обществе, позволяющие говорить о некотором новом этапе его развития

Каком новом? Может быть, авторы доклада, подобно отдельным представителям государственной власти, декларируют завершение переходного периода⁷. Конечно, нет. Переходный период продолжается. Но бесконечные трактовки последнего лишь в терминах "кризиса", "упадка", "брожения умов" уже не представляют особого интереса ни для научных кругов, ни для практиков. И вот появились иные оценки, которые полезно прокомментировать.

Другая цель моих размышлений - сопоставить исследовательские подходы РНИСиНП с другими прогрессивными подходами, обозначить пути достижения их большей адекватности современным российским реалиям и увеличения возможностей практического использования.

Экономика: оценки, сферы и подходы

"Застой" - так названа в докладе ситуация в России 1997 г. Причем, не просто застой, а НОВЫЙ застой. В чем же его новизна⁷?

В том, что в социальном самочувствии российского населения, как зафиксировали авторы исследования, наступил "определенный перелом". Так, доля оценивающих

¹ Доклад подготовлен исследовательской группой в составе д.ф.н. Горшков М.К. (руководитель), к.ф.н. Петухов В.В., к.э.н. Вызов Л.Г., к.э.н. Пахомова Е.И., Холмская М.Р. и н. Рябов А.В. к.ф.н. Тихонова Н.Е.

ситуацию в стране как обычную впервые за много лет достигла своего максимального значения - 13% (в 1996 г. - 11%, в 1993 г. - 5%), а доля признающих ситуацию кризисной уменьшилась с 68% в 1993 г. до 38% в 1997 г.

Параллельно происходит освоение соответствующих "экономических ниш", создающих алгоритмы выживания в условиях хронического кризиса. Наблюдается хотя и медленный, но рост числа тех, кто вполне органично вписался в новую реальность.

Любопытно, что результаты данных исследований опровергают миф о том, что "реформы более всего ударили по интеллигенции и вообще по лицам с высокой квалификацией", и свидетельствуют: сегодняшний рынок приложения труда носит гораздо более благоприятный характер для высококвалифицированных работников. Получая небольшую зарплату (может быть, в среднем даже меньшую, чем рабочие), интеллигенция имеет значительно больше возможностей для вторичной и третичной занятости. Не говоря уже о том, что можно назвать "ценностями свободы" - и не только духовными, но и вытекающими из них карьерно-материальными, например, свобода информации и свобода передвижения.

В целом "новый застой" сопровождается формированием и стабилизацией новых "правил игры" и воспринимается обществом скорее как благо.

Правда, в докладе обозначен и целый ряд весьма значительных "но". Скажем, уровень адаптации высок, но приспособление осуществляется в основном путем понижения "планки" жизненных притязаний. Стабилизация происходит, но "стабилизирующим фактором" стала утрата многими людьми иллюзий своего реального социального положения и его перспектив. К тому же авторы доклада предполагают, что медленный дрейф в сторону постоянного общего снижения жизненного уровня может вскоре достичь отметки, при которой более половины населения будет проживать в условиях социального бедствия.

И что тогда произойдет? Социально-политическое состояние общества качественно изменится? Или социальный протест будет по-прежнему пребывать в вялых формах? И вообще, чего больше в "новом застое", хорошего или плохого?

При желании в докладе можно найти аргументы в защиту любого из названных тезисов, поэтому сформулируем задачу по-другому: какие сферы, факты и факторы (и не только отрицательного свойства) стоит дополнительно "прощупать" социологам, чтобы лучше разобраться в ситуации нынешней и спрогнозировать ситуацию будущую?

Например, видится целесообразным не только на популистско-бытовом, но и на научном уровне внимательнее проанализировать отношение москвичей и всех россиян к тому, что многие европейские города (и даже столицы) по сравнению с Москвой стали сегодня и в смысле динамики развития, и по наличию товаров, и по внешнему облику, мягко говоря, провинциальными. Или оценки жителями Ингушетии того, что их республика в результате применения прогрессивной экономической схемы всего за несколько лет из заурядной деревни превратилась чуть ли не в "город-сад". Или настроения работников ряда крупных предприятий алюминиевой промышленности и энергетики Иркутской области, чья средняя официальная зарплата в результате сохранения (а не разрушения) былой территориально-экономической целостности и комплексности составляет более тысячи долларов в месяц.

Предметом углубленного анализа может стать и то влияние, которое оказывают на социальное самочувствие граждан нашего Отечества колоссальные размеры российской экономической экспансии за рубеж, когда и отдельные сегменты рынка, и целые его отрасли в немалом перечне стран работают на производство товаров и услуг для России, что позволяет кормить и наших, и тамошних потребителей и производителей.

Разумеется, масштабный характер носят и негативные последствия реорганизации российской экономической системы. Но всегда ли в экономике здесь дело? В докладе есть данные о костяке либеральных реформ и "демократической революции" начала 90-х годов. Этот костяк составили многочисленные ИТР, в т.ч. из закрытых или

полузакрытых городков, работавших на ВПК, а также население крупных промышленных центров. Т.е. именно те социальные группы, которые уже с начала 1992 г. начали стремительно нищать и маргинализироваться. Сознание этих слоев трактуется в докладе как "насквозь мифологичное", поскольку улучшения ожидалось там, где их в принципе быть не могло.

В самом деле, как могла улучшиться жизнь, например, в городе Северодвинске Архангельской области, стоящем в период "старого застоя" на экономическом фундаменте заводов, производящих или ремонтирующих атомные подводные лодки? Или на угольных шахтах, будь то Кемеровской или Ростовской области? Большинство названных предприятий в результате экономической да и политической либерализации лишились как минимум оперативных государственных капиталовложений, а как максимум стали затратными, экономически невыгодными, и сегодняшнее их поддержание государством, пусть и на нищенском уровне, осуществляется исключительно во избежание социального взрыва: в случае закрытия шахт людей будет просто некуда девать. Так кто виноват в том, что "активисты" своими руками выкопали яму, куда затем и провалились?!

От последнего риторического вопроса можно перейти к исследованиям и рассуждениям вокруг уже высказывавшейся гипотезы: хороши (и, соответственно, плохи) не "тоталитаризм" и "демократия", не "монархия" или "парламентская республика", а тот строй и та экономическая система, которые в конкретно-исторический период в наибольшей степени устраивают жителей конкретного государства.

Наконец, в дополнительном анализе нуждается и модное ныне понятие "ментальность". Почему средний россиянин не хочет заниматься многими видами работ, которые популярны и доходны в других странах? В чем причина спокойного отношения наших сограждан к тому, что бюрократический монстр в виде сотен и тысяч государственных учреждений был сначала поломан, а потом в фантастически быстрые сроки воспроизведен и преумножен? Или как объяснить тот факт, что крестьянин из российской глубинки (в отличие от своих европейских собратьев), и побогаче, и победнее, не желает убирать мусор на дороге перед своим домом?

Исследовательская проблема заключается не только в изучении новых сфер и проблем, но и во введении новых показателей, с помощью которых можно было бы и прямо, и косвенно измерять динамику социального самочувствия граждан.

Каких показателей? Да хотя бы тех, что применял еще в 1993-94 гг. английский политолог Ричард Роуз, осуществлявший исследовательский проект "Новый русский барометр" [1]. На вопрос, как прожить на 100 долларов в месяц, ученый отвечал: на эту сумму в России никто и не живет! Например, многие заводские рабочие или служащие учреждений никак не подходят под категорию колхозников или фермеров, однако это не мешает им производить продукты питания как для самообеспечения, так и для рынка. Где и в каких деньгах данный фактор просчитывается и учитывается? Нигде и ни в каких! Но это не мешает рублям оставаться простой бумагой, а помидорам превращаться во вкусный салат.

От эмоциональной трактовки происходящих "чудес" Р. Роуз переходил к научным выкладкам. В то время, как российская статистика отслеживала лишь зарплату и пенсию, получаемые в *официальном секторе экономики*, английский исследователь добавлял сюда еще семь позиций экономической активности. Ряд из них касается *"немонетарной социальной экономики"* (самостоятельное производство продуктов питания, ремонтно-строительных работ, помощь друзей и родственников, товарообмен), а еще несколько - *"неофициальной монетарной сферы"*, по-русски называемой теневым бизнесом.

Да и модификация вопросов респондентам в анкетах Р. Роуза была нестандартной. Так, вместо типичного вопроса "удовлетворены ли вы..." ученый спрашивал: "Испытывали ли вы за последний год хроническую нехватку в..." И получалось, что наличие постоянных трудностей с обогревом жилищ испытывал 1% опрошенных, с едой - тоже 1%, с медицинским обслуживанием - 4%, с одеждой - 7, с бензином - 11, с

товарами для домашнего хозяйства - 13, с газетами - 25, с ремонтом жилья - 26, с посещением театра и кино - 43%.

Разумеется, что в содержательном плане сказанное выше стоит квалифицировать скорее как высокую степень микроадаптации граждан, а вовсе не как макроэкономический прогресс. С методологической же точки зрения пример с Р. Роузом демонстрирует необходимость, во-первых, постоянного совершенствования технологий проведения социологических опросов, а во-вторых - простого расширения подходов и к составлению анкет, и к интерпретации результатов исследований.

Политика: "судьбоносных" выборов не ожидается

Теперь посмотрим, чем характеризуется "новый застой" в политике. Доклад РНИСиНП фиксирует симптомы, свидетельствующие о начале политической ресоциализации, которая выражается, главным образом, в последовательном увеличении числа тех, кто отдает предпочтение выборным процедурам как наиболее эффективным формам влияния на власть. Данный симптом, наверное, позитивен, поскольку говорит о легитимации выборных процедур в России, где многие другие законодательные процедуры обладают очень низким уровнем легитимности.

Позитивным представляется и то, что политическая ресоциализация в настоящий момент связана не с усилением некоторых идеологических установок, а, напротив, с прагматизацией общественного сознания. В такой ситуации появляется вероятность формирования рационально-активистской модели политического участия. В самом деле: многие иллюзии начального этапа реформ преодолены, и все больше людей, причем в наиболее "продвинутых" социальных группах, достаточно отчетливо осознают то, чего они хотят, что они готовы терпеть, а что - безусловно отвергают. Как раз это обстоятельство и делает малопродуктивным использование всевозможных идеологем в качестве инструмента политической мобилизации, вне контекста того, что реально происходит в стране и как это отражается на жизни ее граждан.

Прагматизм выражается и в том, что люди перестали надеяться на любое чудо, в т.ч. связанное с приходом к власти политических сил той или иной ориентации. Последнее наблюдение позволяет авторам доклада выразить осторожное, но вполне оптимистичное предположение: в России больше не будет избирательных кампаний "судьбоносного" характера.

А какими они будут? Какие лидеры, партии, общественные движения имеют шансы на успех? Отвечая на данные вопросы, исследователи подчеркивают, что партийно-политическая система России эволюционирует в направлении большей, чем было раньше, адекватности идейно-политическим предпочтениям россиян. В конкретном же выражении эта эволюция выглядит так - если бы следующие выборы в Госдуму состоялись в конце 1997 г., то:

- движение "Наш дом - Россия", в основном, сохранило бы прежние позиции (10,1% голосов на выборах 1995 г. и 10,5% - по результатам опроса в 1997 г.);
- у Компартии РФ число сторонников могло бы незначительно снизиться (соответственно, с 22,3% до 19,1%);
- у ЛДПР потери электората могли бы быть весьма существенными (с 11,2% до 3,8%);
- а вот у движения "Яблоко" наблюдался бы более чем двухкратный рост влияния (с 6,9% до 15,2%).

Кроме того, в Думу почти наверняка проходила бы Народно-республиканская партия А. Лебеда (получая, предположительно, 16,1% голосов) и, вероятно, Демвыбор России Е. Гайдара, количество сторонников которого, по данным опроса РНИСиНП, возросло бы с 3,9 до 4,7%

А вот у "Трудовой России" В. Анпилова шансы на попадание в Думу резко сократились бы: если в декабре 1995 г. "трудовики" имели 4,5% голосов, то в 1997 г. - только 1%.

Что же касается персональных лидеров, то по результатам опроса РНИСиНП

конца 1997 г. будущим Президентом страны хотели бы видеть:

- Г. Зюганова - 15,6% россиян,
- А. Лебедя - 12,5%,
- Б. Немцова - 11,3%,
- Ю. Лужкова - 10,9%,
- Г. Явлинского - 9,4%.

Другие потенциальные претенденты на президентский пост собрали значительно меньше симпатий.

О каких тенденциях можно вести речь, имея перед глазами приведенные цифры? О формировании ядра сторонников тех объединений и лидеров, которые, за исключением КП РФ и Г. Зюганова, прямо не ассоциируются ни с либеральной, ни с коммунистической идеологией и (в данном случае и Г. Зюганов не является исключением) уходят от архаичной, разделяющей общество идеологической идентификации по линии "демократ-коммунист".

Т.е. и Б. Немцов, и Ю. Лужков, и Г. Явлинский представляют собой как раз тех руководителей, которые в наибольшей степени соответствуют прагматической ориентации общественного сознания. И это соответствие дает основания надеяться на то, что на рубеже второго и третьего тысячелетий мы сумеем избежать "судьбоносных переломов", будем, пусть и медленно, и неревOLUTIONно, но не "преодолевать трудности", а все-таки развиваться.

Является ли исключением из ряда "прагматических лидеров" А. Лебедь? С одной стороны, да, поскольку он выступает олицетворением чаяний россиян, тоскующих по "сильной руке". С другой стороны, нет, потому что современное понимание россиянами "сильной руки" сильно отличается от пониманий, имевшихся пятьдесят, десять и даже пять лет назад.

Авторы доклада уверенно говорят о том, что авторитарные тенденции, в т.ч. и поддержка идеи "сильной руки" в нынешних условиях рассматриваются россиянами в большей степени как инструмент наведения порядка в рамках действующей, не слишком развитой, но все же демократической системы. Население страны отчетливо высказывается в пользу ее "упорядочения", не исключая при этом и жестких мер, которые, тем не менее, должны осуществляться в рамках закона, при одобрении большинством народа и соблюдения фундаментальных политических и гражданских свобод.

Одновременно россияне не готовы пойти на то, чтобы жесткие меры по наведению порядка сопровождались серьезными ограничениями для них на личном уровне, в т.ч. и в плане личного потребления.

Таким образом, возможно, А. Лебедь популярен не столько вследствие своих исключительных личных проявлений, сколько в результате вхождения в "колоду" лидеров с вполне определенными качествами, которых россияне хотят видеть у руля своего государства.

Наряду с подробными и ясными цифровыми и аналитическими выкладками в докладе содержится несколько тезисов, требующих дополнительного осмысления и расшифровки.

Так, отмечается, что на политической авансцене России впервые появились лидеры, способные практически в равной степени вызывать позитивные ожидания во всех группах общества, еще недавно расколотого итогами президентских выборов, да и самим ходом кампании на два непримиримых лагеря. Скажем, поддержка Б. Немцова и Ю. Лужкова достаточно равномерно распределена между электоратами различных партий. Говорится также, что при заметном росте оппозиционного потенциала он далеко не всегда принимает формы "левого протеста".

Все эти тезисы, безусловно, свидетельствуют о некоторых изменениях настроений россиян. Но достаточно ли подобной констатации? Думается, важно идти дальше и при проведении социологических мониторингов наряду с краткосрочной динамикой пытаться открыть, понять и учесть какие-то долгосрочные константы.

Так, вряд ли кто из исследователей позабыл времена, когда при анализе общественных процессов мы преимущественно использовали понятие "классы" и определяли четко выраженные границы между ними. Потом классовый подход мало-помалу вытеснили измерения социальной стратификации с допущением того, что разным стратам могут быть присущи отдельные общие особенности. Сегодня в ходу у ученых понятие социально-профессиональной группы, которых насчитываются десятки. Причем, признается, что границы между ними порой носят нечеткий, размытый характер.

Впрочем, от диалектики мы никогда не отказывались, а значит, и эти ориентиры можем подвергать естественному сомнению, изменению и дополнению. Например, так, как это делает профессор Тюбингенского университета (Германия) Герд Мейер [2].

Ученый размещает присутствующие в обществе группы между двумя осями. По вертикали группы располагаются по принципу принадлежности к тому или другому социальному статусу (у Г. Мейера: "низший класс", "класс ниже среднего", "средний класс", "класс выше среднего", "высший класс"). По горизонтали - по принципу базовых ценностных ориентаций, которых группы придерживаются (у Г. Мейера: традиционалистские ориентации - "сохранять", материалистические ориентации - "иметь", "покупать", "потреблять"; гедонистские ориентации - "удовлетворять свои желания"; постматериалистические ориентации - "быть"; постмодернистские ориентации - "чувствовать").

При наличии некоторых тенденций (например, средний класс тяготеет к традиционалистским ориентациям, а высший - к постмодернистским) в общем все же получается следующее: у групп, обладающих разным социальным статусом, в той или иной мере все равно присутствует практически весь спектр ценностных ориентации.

Отсюда за любого из кандидатов в Президенты могут в принципе голосовать представители любой социальной группы. Вопрос об их месте в статусно-ценностной системе координат, вычленении их реальных мотиваций и действительного количества играет колоссальное значение для научного прогнозирования и осуществления прикладных политических действий на будущих парламентских и президентских выборах в России, да и любой другой стране.

Собственно говоря, часть этой задачи авторы доклада уже выполнили: выделяя группы россиян различной политической идентификации ("либералы", "национал-патриоты", "коммунисты (социалисты)", "центристы"), ученые показали, что в каждой группе есть доверяющие и Е. Гайдару, и Г. Зюганову, и А. Чубайсу, и другим политическим деятелям.

Какая же задача еще не решена? Думается, та, в результате решения которой РНИСиНП и другие научные структуры аналогичного профиля и масштаба сумеют увеличить свою востребованность практическими политиками и экономистами. Речь идет о технологиях формирования компактных и дешевых выборок, быстром проведении различных по виду опросов, включая телефонные, на региональном, городском, районном уровне; о получении по их итогам адекватных и своевременных результатов. Т.е. о том, что в ряде случаев отдано сегодня на откуп социологам от бизнеса, по своему уровню значительно уступающим авторам анализируемого доклада.

Бизнесмены от социологии - такое определение в условиях "нового застоя" будет звучать более оптимистично.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Getting by without government: everyday life in a stressful society. Professor R. Rose // Studies in Public Policy. Number 227 - Glasgow GIXN Scotland, 1994. В ходе исследования использовалась всероссийская выборка в объеме 3,5 тыс. чел.
2. G. Meyei Winners and losers of transformation in postcommunism // The materials of simposion "The Articulation and Representation of Interests and Party Systems in Central and Eastern Europe" - Duszmkzi Zdroy, Poland, 1997.